

Попов, Борис Антонович

Беларусь, Минск

Февраль 2007 г.

Уважаемая госпожа Хилде Шрамм, уважаемый господин Эберхард Радзувайт,

благодарю Вас за необычное для меня письмо с выражением участия и понимания того, что пришлось пережить попавшим в плен советским солдатам, особенно в первые месяцы войны. Мы не сдавались в плен, нас сдали в плен (причет сотнями тысяч) неопытные командиры, а их, вместе с нами, растерявшиеся руководители страны. А потому упрекать в том, что мы сдались в плен, неправомерно, а тем более выражать недоверие, как это было в нашей стране. К настоящему письму я прилагаю отрывок из книги автора, вхожего в высшие правительственные круги, подтверждающие сложившееся у меня мнение об отношении к пленным. С автором Павленком Б. В. я работал в Белоруссии в 1964 – 1968 годах. Затем его перевели в Москву на должность заместителя Председателя Госкино СССР. Но это отступление от темы и дальше я постараюсь ответить на интересующие Вас вопросы.

Служил в Белоруссии, в 60-ти километрах от границы с Польшей. В боях участвовал в качестве механика-водителя танка. В бою за город Волковысск 30 июня 1941 года танк был подбит, два члена экипажа погибли. Я вместе с остатками полка отступал на Минск и 5 июля в 12-ти километрах от города встретил немецкие части. Перед этим были бои с десантными группами. Натолкнуться на регулярные войска под Минском для нас было большой неожиданностью. После пленения я попал в лагерь, находившийся на берегу реки Свислочь в поселке Дрозды под Минском. В лагере находилось более 100 000 пленных и рядом несколько десятков тысяч гражданского населения. Фактически первые дни не кормили. Раз в день проезжала машина, из которой на землю периодически бросали продукты – макароны, сушеную воблу или селедку. При тысячах голодных, получить из упавших на землю продуктов ничего не удавалось. Более того, из тех, кто пытался это сделать, часто оказывался задавленным, а продукты смешанными с землей. Воду пили из реки перемешанную с илом. Вскоре лагерь перебазировали в район города, наладили одноразовое кормление. В день давали пол-литра баланды. Появилась дизентерия, силы быстро таяли, пленные стали умирать.

Вы стыдитесь, что современная Германия не извинилась перед нами за причиненные страдания. Откровенно скажу, мне больше хотелось бы услышать извинения со стороны моего бывшего правительства за предательское (никакого другого слова не нахожу) отношение к своим солдатам, попавшим в плен. В то время, как все европейские страны заботились и поддерживали своих пленных, Советский Сюз занял нецивилизованную позицию.

Как сложилась моя жизнь? В апреле 1945 года я был освобожден советскими войсками из лагеря STALAG-IV В в близи Мюльберга на Эльбе. В этом лагере я находился с мая 1942 года. Все время работал вместе с французами и русскими на огороде, расположенном внутри лагеря. После освобождения работал в городе Эльстерверда, в органах по репатриации угнанного населения. Затем полгода переводчиком в военной комендатуре г. Лимбах. В марте

1946 года вернулся в Ленинград, где жила моя мать. Ей удалось пережить блокаду города. В сентябре 1946 года вернулся на учебу в институт, из которого меня призвали на военную службу в 1940 году. После окончания в 1950 году вместе с женой направлен на работу в город Минск. Интересное совпадение: работал инженером в министерстве в Доме правительства, в который в 1941 году меня привез на работу в качестве грузчика немецкий майор, набравший команду в Минском лагере. В то время это спасло мне жизнь. При оформлении пенсии в 1985 году в соответствии с законом, в стаж работы должны были включаться годы, проведенные в плену, умноженные на коэффициент 2. Однако, на мое обращение в соответствующие органы за справкой, подтверждающей нахождение в плену, я получил ответ, что органы не располагают сведениями об этом. Другие организации также отказались подтвердить этот факт. В результате пенсия оказалась меньше полагавшейся. Впоследствии я решил претендовать на компенсацию за годы, проведенные в Германии. Получил отказ как бывший военнопленный. Таким образом, круг замкнулся.

Что касается переживаний в прошлом времени, проведенном в плену и после возвращения домой, то об этом можно писать очень много. Приведу лишь некоторые факты, имевшие место за время плена. В 1943 году я находился в лагере STALAG-IV В. Однажды решил вместе с командой, работавшей у крестьян в соседней деревне, побывать там и посмотреть на жизнь немцев. Солдат охраны завел меня в один из домов и сдал под ответственность хозяйки. Целый день мы сажали клубнику и разговаривали. В конце дня пришел ее муж с работы, после полученной информации обо мне, хозяин с интересом вступил в разговор. Он ругал Гитлера и его сподвижников, а перед моим уходом в лагерь предложил прийти к нему еще раз, конкретно указав день. Я пришел, это был день его рождения. Весь день я провел в кругу его семьи как близкий им человек. Сидели за столом, пили вино и вели разговоры на разные темы. Этот случай во многом определил мое отношение к немецкому населению.

В Хатыни установлен мемориальный памятник лагерям военнопленных. Сложилось так, что я побывал в трех из них: Минске, Гомеле (зимой 1941 года) и Бобруйске. Условия существования в них были очень тяжелыми. В Гомеле в лагере зимой свирепствовал тиф, умирали тысячи пленных, их не хоронили. Свозили на площадь и складывали штабелями. Весной колхозников заставили на повозках увозить трупы за город и сбрасывать в противотанковый ров, вырытый под городом. Весной из гомельского лагеря отобрали уцелевших и эшелонам отправили в Бобруск, а затем в лагерь Лесная. После месячного карантина пленных привезли в Германию в STALAG-IV В. В лагерях Лесная и STALAG-IV В по доносу меня включали в списки евреев, подлежащих депортации из общей массы пленных. Только случай спас меня. В день отбора я попал на работу и в строю меня не нашли. Группу из нескольких человек увели под конвоем. В другом лагере в 1943 году я прошел через специальную комиссию по селекции. Среди членов комиссии были два специалиста из Берлина в гражданской одежде, офицер СС и переводчик. Специалисты внимательно изучили мои ноги и голову и заявили, что я еврей, присвоивший русскую фамилию. Документов при мне никаких не было, спасло то, что в лагере оказался мой сокурсник по институту. Его моментально нашли и он подтвердил правдивость моих слов. В этот раз из 23 человек, вызванных на комиссию, 21 были увезены из лагеря под усиленным конвоем. После проверки я решил, что из лагеря мне уезжать нельзя. Но здоровых пленных в лагере не держали – отправляли в рабочие команды. Помог лагерный переводчик, который,

при отборе немецким врачом, против моей фамилии поставил „инвалид“. Сделал это он без моей просьбы, приняв меня за еврея. После войны я узнал, что сам он был евреем. Меня поселили в барак с инвалидами, которые в команды на выезд не включали. Так дожил в лагере до освобождения.

В годы работы на киностудии „Беларусьфильм“ я дважды побывал в Германии: в 1973 году в Берлине на конгрессе UNIATEK в качестве делегата от СССР и в 1978 году в Кельне на выставке „Photokino“. Оба раза я обращал внимание на высокий уровень жизни немецкого населения.

Еще раз благодарю за письмо и желаю всяческого успеха в Вашей деятельности.

С уважением, Б. А. Попов.

Борис Попов неоднократно бывал в современной Германии, в том числе несколько раз в Берлине по нашему приглашению, в сентябре 2009 г. для выступления на мероприятии к 70-тилетию с начала Второй мировой войны и в октябре 2012 г. на открытии выставки в Свободном университете Берлина. Информацию можно прочитать [здесь](#). Также Борис Попов обратился с Открытым письмом к Федеральному канцлеру Ангеле Меркель с требованием признать бывших советских военнопленных пострадавшими от нацизма и выплатить им компенсацию.

